19 февраля 1861-1901 г

4 экз

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

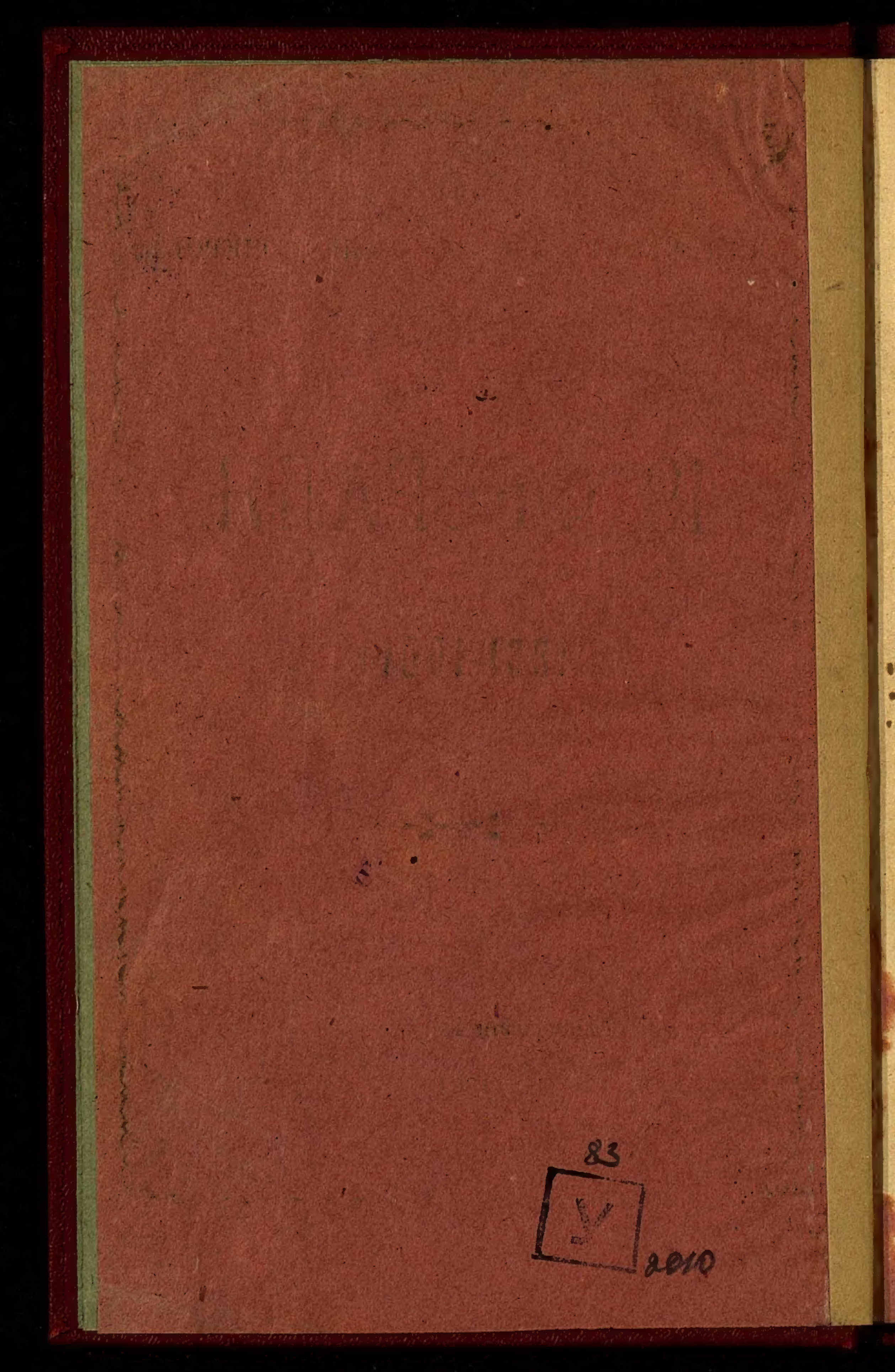
19 ФЕВРАЛЯ.

1861-1901 г.

Типографія Партіи С.-Р.

1901

83
У
2010

19 ФЕВРАЛЯ.

1861—1901 г.

Ровно сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ пало въ Россіи крѣпостное право: 19-го февраля 1861-го года были порваны, наконецъ, тѣ позорныя цѣпи рабскія, которыми безъ малаго триста лѣтъ были скованы многіе милліоны русскаго народа.

Кто не знаетъ въ Россіи про крѣпостное право? Старики еще хорошо помнятъ то время, когда милліоны крестьянъ принадлежали помѣщикамъ, словно вещь какая-нибудь или рабочій скотъ, когда господа своихъ крѣпостныхъ и за деньги продавали, и другъ другу дарили, и въ карты проигрывали, и на лошадей да на собакъ мѣняли... Крестьяне были рабами, а потому ихъ почти и за людей не считали. Помѣщикъ такъ полагалъ, что крестьянинъ только для того и живетъ на бѣломъ свѣтѣ, чтобы всю свою жизнь, не покладая рукъ, работать на него, на помѣщика, наживать ему богатство своими трудами и всѣмъ его прихотямъ угождать. И землю, и пожитки крестьянскіе помѣщикъ считалъ за свои, бралъ все, что захочется, бар-

щиной да оброками десятый потъ изъ мужика выгонялъ, а мужику только-только на хлѣбъ да на квасъ оставалось.

Какъ на рабочій скотъ смотрѣлъ помѣщикъ на своихъ крѣпостныхъ, а что касается обращенія съ ними—такъ зачастую обращался даже хуже, чѣмъ со скотомъ, потому что мужикъ дешевле иной скотины стоилъ, ну значитъ и печалиться о немъ нечего: много, молъ, ихъ, хамова отродья!—это помѣщикъ такъ думалъ. Кромѣ того, на скотину какъ ни сердись—все равно, ничего не придумаешь, кромѣ кнута да палки, а человѣка мало того, что бить и истязать, но еще и опозорить можно. И много было придумано позорныхъ, страшныхъ истязаній для людей крѣпостныхъ: били ихъ кнутомъ, били плетями, палками, сѣкли розгами, заковывали въ ручные и ножные кандалы, по цѣлымъ годамъ на цѣпи держали, какъ дворовыхъ собакъ, били всѣхъ безъ разбору—и стариковъ немощныхъ, и женщинъ, и дѣтей; за самую малую провинность—сдавали въ солдаты, ссылали въ Сибирь, пытали жестокими пытками, убивали на смерть; на глазахъ у матерей ребятишекъ собаками травили, развратные помѣщики крестьянскихъ женъ и дочерей позорили—и чего-чего еще не придумывали злые люди-хозяева для издѣвательства надъ своими крестьянами; страшно даже вспоминать объ этомъ, прямо не вѣрится, какъ это

можно было такую муку и такъ долго терпѣть!

Правда, бывали и не злые помѣщики, были даже такіе, которые сами отказывались отъ своей власти надъ крестьянами и отпускали ихъ на волю; только такихъ было очень, очень мало, можно ихъ по пальцамъ перечесть, а остальные помѣщики, чиновники и само правительство считали ихъ либо вредными и опасными, либо сумасшедшими,—это, значитъ, за то, что они къ крестьянамъ хорошо относились!

Вся Россія, весь русскій народъ въ полной власти находился у помѣщиковъ и у царскихъ чиновниковъ, а надъ всѣми господствовалъ самъ царь. Кто плохо былъ знакомъ съ дѣлами, тѣ долго вѣрили, что царь стоитъ за простой рабочій народъ, да только въ томъ, дескать, бѣда, что дворяне и чиновники мѣшаютъ ему править такъ, чтобы рабочему люду жилось полегче. И теперь еще многіе такимъ выдумкамъ вѣрятъ.

А на самомъ-то дѣлѣ совсѣмъ это не такъ.

Кто читалъ книги, въ которыхъ разсказано, какъ прежде на Руси люди жили, тотъ знаетъ, что цари наши вышли не изъ мужиковъ, а изъ боярскаго, т. е. изъ дворянскаго рода. И послѣ они всегда себя къ дворянству причисляли; напримѣръ, царь Александръ II прямо говорилъ дворянамъ: „я, господа, самъ дворянинъ, первый изъ дворянскаго сословія

въ Россіи, и никогда не забуду, что дворянство моему престолу опора." И теперешній царь, Николай II, когда была перепись всего населенія Россіи, въ 1897 году, своей рукой написалъ въ переписномъ листѣ, что онъ дворянинъ. Кромѣ того, цари наши всегда, какъ и теперь, были и самыми богатыми изъ помѣщиковъ: по всѣмъ концамъ Россіи у нихъ свои громадныя имѣнія были, цѣлыя сотни селъ и деревень, съ которыхъ они собирали большіе доходы. Крестьяне въ этихъ селахъ были такими-же крѣпостными царя, какъ и въ другихъ мѣстахъ, у дворянъ-помѣщиковъ. Разница только въ томъ, что дворяне сами своими крѣпостными управляли, а царь въ свои помѣстья посылалъ управителей-чиновниковъ, но крѣпостнымъ-то отъ этого было ничуть не легче. Управители царскіе, какъ и помѣщики, разные бывали: бывали и такіе, что зря не мучали крестьянъ, но за то всѣми силами старались о томъ, чтобы заставить ихъ побольше работать, чтобы и царю угодить, побольше дохода ему послать, да и свои карманы поплотнѣе набить; другіе—такіе же звѣри были, какъ и самые злые помѣщики, и не меньше помѣщиковъ истязали крестьянъ; и тоже злыхъ управителей было много больше.

Такъ вотъ, значитъ, цари сами вышли изъ дворянъ, сами они были помѣщиками и сами владѣли крѣпостными. Ну и понятно, что

ближе имъ къ сердцу были помѣщичьи выгоды, нежели нужда да горе мужицкое. Одинъ изъ нихъ, царь Борисъ Годуновъ, въ 1592 году первый объявилъ крестьянъ крѣпостными, и триста лѣтъ съ тѣхъ поръ они такими и оставались. Много перемѣнилось за это время царей и царицъ, но объ отмѣнѣ крѣпостного права никому изъ нихъ и въ голову не приходило. Не разъ крестьяне бунтовались противъ помѣщичьей власти, вооружались кто чѣмъ могъ, соединялись цѣлыми тысячами изъ разныхъ деревень, чтобы силой добыть себѣ волю, либо, ужъ коли на то пошло, умереть за нее. И всегда цари становились на сторону помѣщиковъ, высылали имъ на подмогу свои войска съ ружьями и пушками и, въ концѣ концовъ, усмиряли крестьянъ, проливши цѣлое море ихъ крови. И сколько народу было перебито, повѣшено, или заживо сгнило гдѣ-нибудь въ Сибири, на каторгѣ, этого ни царь, ни помѣщики считать не трудились!

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ было введено крѣпостное право, но никогда не могли крестьяне привыкнуть къ тому, что ихъ на положеніи рабочаго скота держать. Замучили однихъ, другихъ засѣкли на смерть, третьихъ въ Сибирь сослали, а на ихъ мѣсто молодые выросли и опять поднялись за волю и землю. Наконецъ, и среди дворянъ стали появляться такіе, которые понимали, какъ

несправедливо и позорно рабство; они и сами своихъ крестьянъ на волю отпускали, и отъ остальныхъ помѣщиковъ и отъ правительства требовали, чтобы по всей Россіи было уничтожено крѣпостное право; недовольны они были и тѣмъ, что царь и его чиновники все въ своей власти держатъ и, какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ,—и они требовали, чтобы всѣми дѣлами въ государствѣ управляли не чиновники, а выборные люди отъ всего народа. Такихъ дворянъ правительство казнило или ссылало въ Сибирь, на каторгу.

Не хотѣлось царю, дворянамъ и чиновникамъ царскимъ разставаться со своей властью. Однако, все чаще и чаще поднимался народъ противъ своихъ притѣснителей, рѣкой разливались крестьянскія волненія по всей Россіи. При Александрѣ I, а особенно при Николаѣ I то и дѣло, въ разныхъ губерніяхъ, вспыхивали бунты, при томъ такіе, что иной разъ охватывали почти цѣлый уѣздъ, а то и нѣсколько уѣздовъ разомъ; для усмиренія ихъ правительство должно было высылать большія военныя команды, пѣхоту, кавалерію, а иногда даже и пушки, чтобы побольше страху нагнать. Конечно, всегда почти побѣда за войсками оставалась, и тогда правительство жестоко наказывало крестьянъ. Случалось, однако, и такъ, что крестьяне солдатъ побивали,—и тогда ужъ царь присылалъ сразу цѣлую армію, словно противъ какихъ-

нибудь татаръ или турокъ.

Наконецъ, и самъ царь, и многіе дворяне стали понимать, что нужно дать крестьянамъ свободу, потому что если не дать ея добромъ, такъ они сами себя силой освободятъ. Царь Николай I прямо говорилъ своимъ приближеннымъ, что придется крѣпостное право отмѣнить; только самъ онъ этого не сдѣлалъ, потому что слишкомъ ужь былъ жестокъ и слишкомъ свою власть любилъ. Тѣхъ крестьянъ, которые не хотѣли быть рабами, онъ наказывалъ звѣрски, засѣкалъ ихъ до смерти плетями и розгами, а еще больше отдавалъ въ солдаты, либо отправлялъ въ Сибирь, въ каторжныя работы.

Не отмѣнивъ самъ крѣпостного права, Николай I предоставилъ это своему сыну, но и Александръ II, когда вступилъ на престолъ, тоже не хотѣлъ было воли давать, а собирался сначала пустяковыми льготами для крестьянъ отдѣлаться; онъ даже передъ всѣми приближенными сказалъ, въ первый годъ своего царствованія, что всякіе слухи объ освобожденіи крестьянъ —просто вранье. Однако, крестьянскія волненія очень ужь велики были, и онъ, царь то, самъ скоро понялъ, что, если еще на нѣсколько лѣтъ оставить крѣпостное право, такъ всѣ крестьяне поднимутся, какъ одинъ человѣкъ, и тогда не только власти дворянъ и чиновниковъ придетъ конецъ, но и самому царю, пожалуй, не

здоровати: страшная сила будетъ у народа когда онъ весь за свою волю подымется. Между тѣмъ, дворяне многіе еще не понимали, что можетъ дальше быть, и думали, что они такъ вѣки вѣчные будутъ владѣть крѣпостными; поэтому они противились освобожденію крестьянъ, все плакались о томъ, что тогда и имъ раззоръ, и самому государству русскому конецъ настанетъ; но царь больше ихъ понималъ дѣло и потому рѣшилъ уничтожить крѣпостное право. Собравши дворянъ, онъ имъ прямо сказалъ, что, дескать, лучше будетъ и для самихъ-же дворянъ, и для самого правительства—освободить крестьянъ «сверху», нежели того времени дожидаться, когда крестьяне сами себя станутъ освобождать «снизу». И такъ еще говорилъ: «я, господа, всегда стою за васъ, дворянъ; дайте-же мнѣ постоять за васъ. Вы понимаете меня?» Ну, и дворяне, которые поумнѣе были, поняли, что царскія слова означаютъ: поняли они, что царь хочетъ только успокоить народъ волей, а затѣмъ устроитъ дѣло такъ, чтобы дворянамъ еще лучше прежняго жилось. Такъ оно по ихнему и вышло...

Такъ вотъ, 19-го февраля 1861 года было отмѣнено крѣпостное право. Народъ благословлялъ царя за его доброту, а самъ не зналъ того, что волю-то дали, скрѣпя сердце, потому только, что боялись, какъ-бы весь народъ во всей Россіи не поднялся и какъ-бы

тогда не погибнуть и самому царю, и дворянамъ, и всѣмъ чиновникамъ. Радовался волѣ народъ, а самъ не зналъ, что враги его новыя цѣпи куютъ, новые способы придумали, чтобы, давши крестьянамъ свободу, такъ-же крѣпко держать ихъ въ рукахъ, какъ и раньше, только въ другомъ видѣ..

Освобождая крестьянъ, правительство и помѣщики сначала вовсе не хотѣли давать имъ землю. Однако, не посмѣли они такъ поступить, потому боялись, что, ежели не дать земли, то крестьяне сами возьмутъ ее, сколько имъ надо. Рѣшили тогда дать крестьянамъ надѣлъ; да только такой, чтобы съ него мужику съ семьей никакъ нельзя было прокормиться, а надо было-бы сторонняго заработка искать. Оно понятно, потому что если-бы дать настоящій, полный надѣлъ, сколько, значитъ, крестьянину нужно, такъ тогда никто не сталъ-бы на помѣщиковъ работать, и пришлось-бы имъ либо съ голоду помирать, либо самимъ за соху браться; ну, а это царю все равно, что острый ножъ въ сердце. И вотъ дали поэтому крестьянамъ надѣлъ въ половину, а то и еще меньше, чѣмъ слѣдовало; гдѣ надо восемь десятинъ—даютъ три-четыре, гдѣ надо шесть—даютъ двѣ съ половиной; лѣса и луга и лучшую землю отве и помѣщикамъ, а мужикамъ подчасъ одни пески да камни остались. Разсчетъ былъ такой, что крестьяне опять попадутъ въ кабалу къ помѣщикамъ, такъ какъ волей-

неволей придется искать хлѣба у прежнихъ-же господъ,—землю у нихъ брать въ аренду, или на полевыя работы нанниматься. Да кромѣ того еще царь и его чиновники признали, что вся земля, которая была у крѣпостныхъ, помѣщикамъ принадлежитъ; это, значитъ, крестьяне сотни лѣтъ надъ землей изъ силъ выбивались работали, потъ и кровь свою проливали, а царь имъ говоритъ: «хамы вы, и нѣтъ вамъ земли, а дамъ я ее господамъ-дворянамъ, потому что они у меня и на праздникахъ бываютъ, и всѣмъ у меня завѣдуютъ, и казной, и войскомъ, и кухней, и конюшнями, и ордена за это отъ меня получаютъ.»

Вотъ именно поэтому надѣлы дали не даромъ, а за большой выкупъ въ пользу помѣщиковъ; и теперь еще эти деньги розгами изъ мужиковъ выколачиваютъ.

Однимъ словомъ, такъ все сдѣлали,—и маленькій надѣлъ дали, и плохой земли нарѣзали, и огромные выкупные платежи вносить заставили, и большія казенныя подати назначили,—такъ все подвели, чтобы крестьяне никогда не могли-бы выбиться изъ нужды и всегда работали-бы у помѣщиковъ.

Такъ-то царь освободилъ крестьянъ. Всѣмъ извѣстно, что изъ этого вышло. А вышло все такъ, какъ и хотѣли царь, дворяне и чиновники: какъ они раньше жили въ роскоши и довольствѣ, сами ничего не дѣлали, а только надъ народомъ издѣвались, такъ и теперь они

живутъ припѣваючи и помыкаютъ рабочимъ людомъ; а рабочій народъ, какъ раньше жилъ въ нищетѣ и во власти у дворянъ и чиновниковъ, такъ и теперь живетъ въ бѣдности, такъ и теперь и помѣщики его въ своихъ рукахъ держатъ, и купцы и фабриканты, и царскіе чиновники, а надъ всѣми, какъ и раньше, самъ царь стоитъ. Съ каждымъ годомъ все больше и больше бѣднѣютъ крестьяне, не проходитъ и года, чтобы въ какихъ-нибудь губерніяхъ народъ не умиралъ отъ голода. Нужда гонитъ крестьянина изъ родной деревни и въ Сибирь, на новыя мѣста, и въ городъ, на фабрики и заводы. Но и въ Сибири переселенецъ, и въ городахъ рабочій человѣкъ живетъ не въ довольствѣ, а тоже въ непосильномъ трудѣ, да въ лишеніяхъ...

Долго послѣ отмѣны крѣпостного права народъ безъ всякаго ропота сносилъ свою тяжелую долю, долго онъ все еще надѣялся на царя и вѣрилъ въ то, что если царь далъ ему волю,—такъ онъ и земли еще нарѣзать велитъ, и права предоставитъ разныя, и защищать отъ притѣсненій будетъ. Но теперь народъ сталъ умнѣе и меньше вѣритъ въ то, что царь ему добра хочетъ. Да оно и пора за умъ взяться: малые ребята и тѣ выростаютъ. Теперь и среди городскихъ рабочихъ, и среди крестьянъ, и въ другихъ сословіяхъ все больше и больше такихъ людей становится, которые понимаютъ, что царь съ чиновниками, а

а также и фабриканты, и купцы, и помѣщики—всѣ они заботятся только о себѣ, о своемъ благополучіи, а до народа имъ никакого дѣла нѣтъ: лишь-бы, молъ, подати и налоги платилъ, да на фабрикахъ, да на заводахъ чуть не задаромъ работалъ, а тамъ хоть съ голоду околѣвай—такъ они о народѣ думаютъ. Сталъ теперь народъ понимать, что и царь, и его приближенные и слуги,—чиновники, помѣщики и фабриканты,—ничего сами, по доброй волѣ не дадутъ народу, а дадутъ только тогда, когда онъ опять будетъ все отъ нихъ брать силой. И какъ передъ освобожденіемъ крестьянъ, такъ и теперь—все чаще и чаще въ разныхъ концахъ Россіи случаются бунты среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ; то крестьяне подымаются противъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ, земскихъ начальниковъ, становыхъ приставовъ, урядниковъ—то фабричные рабочіе стачки устраиваютъ, чтобы отъ фабрикантовъ чего-нибудь добиться, хотя почти каждый разъ имъ приходится и съ полиціей, и даже съ войсками бороться. Какъ это было при крѣпостномъ правѣ, такъ и теперь царь всегда становится на сторону помѣщиковъ и фабрикантовъ, самыми жестокими наказаніями старается и усмирить, и запугать крестьянъ и рабочихъ—а все таки въ страхѣ онъ, хоть и скрываетъ это, и чувствуетъ, что рано или поздно а придетъ конецъ его великой власти.

Правда, много силъ у царя: милліоны

солдатъ, всѣ чиновники, фабриканты, помѣщики,—всѣ они на его сторонѣ и всѣ будутъ бороться съ народомъ; но, вѣдь, и передъ паденіемъ крѣпостного права не мало было у царя пособниковъ, а пришлось-же все-таки дать волю народу.

19-ое февраля 1861 года—это первая побѣда, которую народъ одержалъ надъ своими врагами. Будемъ-же праздновать этотъ великій день, будемъ вспоминать, что тогда народъ сбросилъ съ себя самыя тяжкія цѣпи, которыми триста лѣтъ онъ былъ скованъ. Если будемъ дѣйствовать дружно, тогда мы и остальныя цѣпи разорвемъ, которыми насъ опуталъ царь со своими пособниками,-тогда и отъ царской власти, и отъ фабрикантовъ, и отъ помѣщиковъ освободимся. Пусть-же празднованіе этого дня напоминаетъ и намъ,-и врагамъ нашимъ, что ихъ власти скоро долженъ наступить конецъ, потому что всѣ мы хотимъ и добиваемся настоящей, полной воли.

19-го февраля 1901 г.

